

НОЖ ГЕОБОТАНИКА

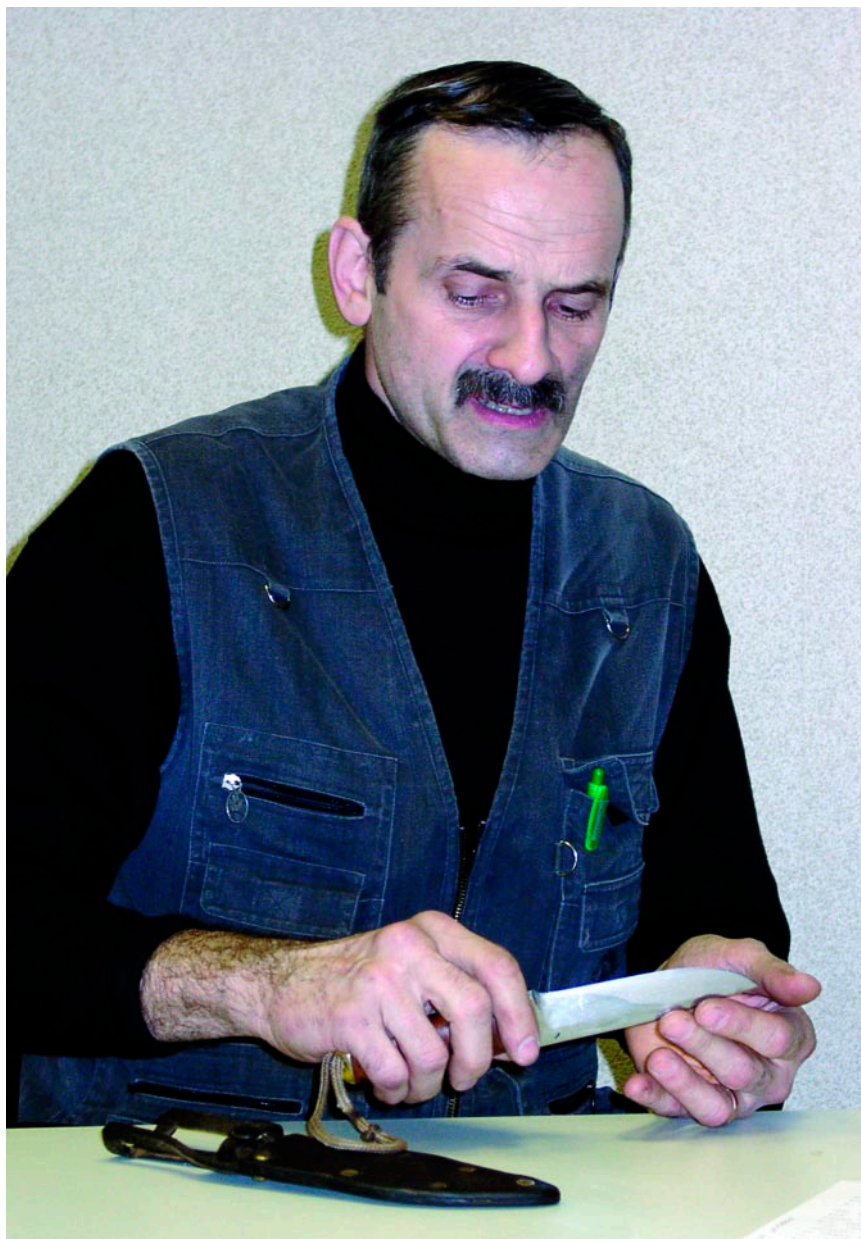
Алексей Шебеко

По образованию я биолог, точнее, геоботаник, а это значит, что два-три месяца в году проводил в «поле» – другими словами, находился вне городских стен, а «полем» могла оказаться тундра, горы, енисейская или дальневосточная тайга. В экспедициях без ножа не обойтись, и всюду я пользовался одним и тем же ножом. Итак, один нож надежно служил мне более двух десятков лет в самых разнообразных условиях. Что же это за нож? Трудно представить себе все нынешнее разнообразие специализированных ножей, созданных на все случаи жизни, но в начале восьмидесятых я не мог иметь специального тундрового ножа, таежного или какого-либо еще, поэтому стоящую передо мной задачу – иметь один надежный, многофункциональный нож, пригодный к работе во всякой экспедиции, – я разрешил по-своему.

Работая в основном в тундре, я обратил внимание на ножи северных народов. Ненецкие ножи имеют сравнительно небольшие размеры, узкое толстое лезвие с заточкой на одну сторону (как «железка» рубанка), рукоятку и ножны из оленьего рога. Некоторые из моих спутников такими ножами и пользовались, но меня он не устраивал, потому что я намеревался по-своему использовать его. Ненецкий нож – это инструмент пастуха оленей, охотника и рыболова, у которого есть и топор и другие простые инструменты, а главное, есть нарты, на которых он и возит с собой все необходимое для кочевки по тундре. А я в экспедиции – «все свое ношу с собой». А ходить по тундре – примерно как по кочковатому болоту с кустарником. Значит, надо отказаться от всего, без чего можно обойтись. Получается, что мой нож должен был заменить собой несколько инструментов, прежде всего топор, как самый тяжелый.

И вот что у меня получилось: лезвие, откованное из обоймы шарикоподшипника и закаленное до твердости 56-58HRC, длиной около 120 мм и шириной 30 мм, с прямым обухом, немного понижающимся к острию. Режущая кромка на 2/3 своей длины

прямая, 1/3 довольно круто поднимается к острию. За счет значительной толщины (4,5 мм) заточка получилась отлогой, чуть вогнутой, и нож хорошо резал разные материалы. Сталь, из которой изготовлено лезвие, показала себя неплохо, только несколько хрупковата. Это выяснилось так. Однажды я наткнулся на оставленную стоянку ненцев, неподалеку от которой лежали несколько оленьих рогов – видимо, животные

были забиты совсем недавно и рога не успели потемнеть от лежания на земле. Мне захотелось взять несколько кусков рога с собой. Взял рог в левую руку, поставил стоймя и стал привычно рубить ножом, как будто это была толстая ветка. Но рог не дерево, и после одного неловкого удара я заметил на лезвии скол режущей кромки на 2-3 мм. Рог все-таки разрубил на куски и при первой возможности, затратив немалое вре-

мя, восстановил лезвие. Еще надо тщательно вытирать нож после работы, так как подшипниковая сталь весьма подвержена ржавлению во влажных условиях.

Материал рукоятки ножа менялся трижды: сначала пластмасса (при ударе трескалась), потом – кожа (размокала); в конце концов я остановился на наборной бересте и считаю ее самым лучшим материалом – «теплым», эластичным, не скользким в руке (разумеется, я говорю о своем опыте). Единственный ее недостаток – некоторая мягкость, но я увеличил прочность, применяя клей БФ при наборе пластинок бересты.

В сечении рукоять широкоовальная, с углублениями под большой и указательный пальцы у шейки. Удобная для захвата, я никогда не набивал мозолей на руке даже при долгом силовом строгании или резании чего-либо. Морилкой по дереву я придавал ей коричневый цвет, так она лучше смотрится вместе с чехлом.

Между лезвием и рукояткой небольшой, но массивный ограничитель из латуни, на тыльном конце – затыльник из того же металла. Оконечность рукоятки слегка расширена, в металле затыльника просверлено отверстие для темляка.

Нож при небольших габаритах получился довольно увесистым (более 0,3 кг). Чехол я склепал из 4-х мм коричневой кожи так, что вместе с вло-

женным туда ножом он имеет уплощенную широкую форму (как ласт тюленя) и, плотно прилегая, висит на ремне или затыкается за пояс. Толстую кожу изнутри я смазал маслом, и это также предохраняет лезвие от окисления. Нож в застегнутом состоянии не выпадает из ножен, даже если цепляется темляком за ветки, а это нередко случается.

Теперь об использовании ножа. Прежде всего он применялся по своему прямому назначению – срезать ветку растения в гербарий, вырезать дерновину мха, подрезать и оторвать кусок коры с лишайником, в походной кухне – почистить и разделать рыбу, птицу, порезать хлеб и т.д. и т.п. Но вот ради чего нож делался массивным, прочным, с темляком на конце рукоятки? Проправив руку в петлю темляка и держа нож за конец рукоятки, я получил возможность рубить деревья толщиной до 15 см, обтесывать их, разделять на дрова, бревнышки и крупные доски – подрубаешь с нескольких сторон, удар об землю – переломил, при необходимости расколол, надставив нож и ударяя по обуху куском дерева. Фактически нож превращался в топор, а темляк выполнял роль гибкого топоррица, придавая инерцию всей массе ножа; а отдача гасилась в петле темляка. Но это возможно только при его правильном креплении, подгонке по руке размера петли. Вначале я сделал темляк из сыромятной полоски кожи.

Мягкая, приятная на запястье, слегка пружинящая, при ударе она казалась идеальной. Но, намокая и высыхая, кожа приобретает жесткость, покрывается трещинами и, в конце концов, рвется. Приходилось брать для темляка более-менее подходящую бечевку, попадавшуюся под руку, которая лохматилась, рвалась. Наконец, стал использовать слегка уплощенный капроновый шнур – несколько жестковат по сравнению с сыромятью, на запястье удар чувствуется, но все искупается прочностью.

Основная «хитрость» работы ножом как топором заключается в том, что я просто бросал нож, слегка придерживая за расширенный конец рукоятки и направляя в место удара. Этот нож стал моим любимым инструментом, спутником во всех экспедициях. Ведь с его помощью я быстро раскладывал костер в тундре – в ход шел толстый сухой ивняк, ветки которого толщиной до 4–5 см, согнув, я срубал с первого удара; а если мне везло и я находил потерянную с вездехода толстую доску или жердь, то и они моментально превращались в растопку и дрова для походного костра.

Нож пригодился мне и в ситуации, которую можно было бы назвать экстраординарной. Тогда я работал на полуострове Ямал и должен был поехать на отдаленную буровую, на которой работы были прекращены несколько лет назад, а людей вывезли. Взяв обычное снаряжение и продукты на два дня, отправился на остров. Мы условились с катерниками, подвозившими меня, что на обратном пути, через два дня, они доставят меня на базу.

Меня встретила неприглядная, но, к сожалению, привычная картина искореженной и захлавленной тундры, залитой буровым раствором. Надо было быстро обеспечить себе сносное жилье и приниматься за работу. Но где устроить ночлег? В тундре, где вечная мерзлота порой подходит к поверхности на длину ладони, просто на земле не полежишь. Выбираю большой металлический бункер, где раньше готовили буровой раствор. Собираю и стаскиваю туда обломки

досок, брусков, готовлю настил для спальника. А когда весело затрещал костер, мой неказистый приют показался уютным и обжитым.

К концу второго дня погода стала портиться. Набежали низкие тучи, поднялся сильный ветер с дождем, который стал доставать меня сверху – ведь крыши на бункере не было. Вначале надеялся отлежаться в мешке, накрывшись пленкой, но понял – не удастся; если меховой мешок промокнет, от него будет мало толку. Надо что-то делать, какое-то подобие крыши. Тут я вспомнил, что в одном месте видел довольно большие куски брезента. Выхожу наружу. Какой ветер! Согнувшись, пробираюсь к куче мешков, укрытых рваным брезентом. Нож на боку, извлекаю его из ножен и полосую острым лезвием, отхватываю большие куски брезента, складываю возле себя. Теперь нужны длинные доски для перекладин. Один конец их привален землей, поэтому в дело снова идет нож, темляк на запястье, и это позволяет наносить размашистые рубящие удары. Резать некогда: дождь, а главное – ветер. Никогда не думал, что он может быть таким. Это в городе или в лесу ему негде разгуляться, а тут тундра... Поэтому 2–3 быстрых удара по краям доски, потом удар торцом рукоятки со всего размаха по плоской стороне, и доска легко ломается, а за ней другая и третья... Волоку все к бункеру, сооружаю какое-то подобие крыши и скорее в спасительное убежище. Раздул огонь, подкинул дров, и теперь пусть беснуется непогода – у меня есть дом, а мой стальной помощник, заботливо обтертый, покоится в толстой коже чехла.

Утро выдалось ясное, ветер стих, ничто не напоминало о вчерашней буре. Пора бы прийти катеру, но его все нет и нет. А с катером случилось вот что: ветром катер был выброшен на илистую отмель выше по реке, его винты завязли в грунте, и команда 2 дня пыталась их освободить. А у меня тем временем продукты кончились, я пил бесконечный чай и смотрел на реку. А когда, наконец, пока-

зался катер, испытал чувства, похожие на чувства жертв кораблекрушения, увидевших в море спасительный парус.

Приходилось изготавливать и плотик для переправы вещей через реку, и весла, обходиться без пилки и топора при разрубании крупных костей животных (кольцевым надрезом снимается мясо, обнажается кость и перебивается резким косым ударом обуха). Нож служил и молотком. Толстым обухом можно забить гвоздь средних размеров, перебить стальную проволоку гранью обуха, забить колышек палатки и т.д. Использовал его в качестве долота, потому что массивная, без выступов латунная оконечность рукоятки легко выдерживала удары деревянной колотушки при долблении грубых отверстий, – иногда и это требовалось в походной жизни.

Единственно, чего я избегал, так это употреблять нож вместо лопаты, хотя при работе с растениями такая ситуация случалась, а также использовать его для открывания консервных банок. Для этой цели у меня был складной отечественный ножик «Титан».

Только раз нож пригодился мне для самообороны. Я шел по тундре к полярной станции, намереваясь некоторое время использовать ее как базу для работы. Полярники для защиты от белых медведей держат несколько собак, вот они-то и атаковали меня при подходе к домику. Осо-

бенно старался достать меня зубами вожак. Палки в тундре еще поискать надо, отбиться нечем, так что единственным оружием оказался все тот же нож. Но ранить собак тех людей, у которых надеешься найти пристанище, нельзя, поэтому, выбрав момент, когда вожак подобрался совсем близко, я ударил его по морде тупой стороной ножа, он с визгом отскочил, а за ним и вся стая. Так, отмахиваясь ножом, и дошел до домика метеорологов.

При широчайшем современном ассортименте ножей, я многие из них держал в руках, знакомился с описаниями, прикидывая их возможности как инструмента в тех ситуациях, в которых сам не раз оказывался. Отмечал отличные материалы, в том числе естественные, изящные контуры, хорошую подгонку частей. Но все-таки не оставляла мысль, что художники, разработчики преследуют скорее декоративные цели, упуская из виду главное – сугубую функциональность. Есть отдельные удачные черточки, но в общую картину они не складываются.

Я написал о своем ноже внешне простой конструкции, из рядовых материалов, но, благодаря удачным пропорциям и соотношениям частей, он позволяет значительно экономить силы, время, вес снаряжения в самых разных экспедициях. Трудно сказать, что я ему обязан жизнью, но что бы я делал без него в тундре?